

Кристина Эбнер**МОНАХИНИ ИЗ ЭНГЕЛЬТАЛЯ,
КНИЖИЦА О НЕПОСИЛЬНОМ БРЕМЕНИ БЛАГОДАТИ
(ИЗБРАННЫЕ ЖИТИЯ)****Christina Ebner****NUNS FROM ENGELTALYA,
BOOKLETS ABOUT AN INTOLERABLE BURDEN OF GRACE
(SELECTED LIFE)****Предисловие**

Здесь начинаю я книжицу, в ней же найдешь о начале монастыря Энгельталь и об изобилии благодати, каковую Бог сотворил в нём сперва и потом, о многих исторгающихся из Него добродетелях, которые так же мало можно умерить, как море изливающейся из Него силы. Никому не достичь великой святости из своего благочестия. Бог призвал их всех по свободной воле. Он властен в том, чтобы друзьям Своим творить благо, ибо только Ему ведомо всё. Вот почему с одним поступит Он по-хорошему, а с другим нет. Нашему человеческому разумению того не понять, не впадая в ошибку.

Ну и захотелось мне написать кое-что о тяжком бремени благодати. Но ума-то у меня, к сожалению, маловато, да и не сильна я в искусстве письма. И лишь благодаря послушанию я вынуждена пристраститься к этим вещам.

В то самое время, когда Венгерский король выдавал свою святую дочь Элизабет за ландграфа Людвиг Гессенского, он отправил её с великими почестями в Нюрнберг, где должна была состояться свадьба. В дорогу он дал ей лютнистку по имени Альхайт, чтобы та, если ребенок вздумал бы плакать, утешала его игрою на струнах. Эта женщина говорила, что Элизабет было семь лет от роду.

Когда же свадьба закончилась, и святой ребенок был увезен, то лютнистка не захотела следовать дальше за ним, ибо решила отныне предать всю свою жизнь любезному Богу и начала проводить жизнь, полную глубокого раскаяния и любви к Богу. Она поселилась в одном из домов Нюрнберга и стала как бы светильником, тогда как прежде была повсюду известна из-за своего грешного ремесла. А в городе была небольшая община бегинок, и в ней проповедовали о том, сколь великую награду даст наш Господь за чистоту и послушание. И вот, эти бегинки отправились к госпоже Альхайт, упомянутой лютнистке, и молили её с немалой настойчивостью принять на себя заботу о них и стать их предстательницей, чтобы им оттого была награда с небес; у них де нет средств, чтобы им основать монастырь. Сия священная просьба была ею тут же исполнена, и они поспешили в свои дома и положили, каждая по отдельности, к её ногам всё, что у них было.

А начало совместной их жизни было такое. Их предстательница имела о них столь великое и неустанное попечение, словно все они были ей чадами, и не запрещала им ничего из того, отчего их сердце воспалялось бы к Богу. Жизнь же её была столь свята, нрав столь богобоязнен и кроток, и слова столь сладостны и правдивы, а все дела столь совершенны, что все, кто бы ни увидел её, оттого исправлялись. Потому слава о ней распространилась по всему краю и по всем окрестным краям. Отовсюду стекались к ней власть предержащие и получали от неё благословение, а также паломники, отправлявшиеся в дальние страны. Да и благочестивые жены к ним приходили, чтобы они научили их исповеди и любви к Богу. Относились же они к приходу церкви Святого Лаврентия и находились в послушании приходскому священнику как своему законному пастырю. Они избрали себе субприору с пламенеющим сердцем, кузину брата Отто из Швабаха, бывшую среди них как бы светильником. Ей было около тридцати лет, не более того. Они вычитывали положенные им часы, как могли и умели, а исполнив вечернюю молитву, шли к своей предстательнице и вопрошали её, как им проводить следующий день; так они и проводили его по доброй воле. Когда они сидели за трапезой, предстательница восседала во главе стола. Немного подкрепившись, она принималась читать им за столом на немецком. Порою случалось, что иные из них, лишившись чувств, лежали на полу, наподобие мертвых – да они и впрямь умерли в Боге. Такой благодати сподоблялись

они при работе, на молитве, когда благоговейно внимали Божьему слову. Только одна никогда не была в восхищении. Когда люди прослышали об их святой жизни, они им стали давать всё, в чём бы они ни нуждались, при том, что этих людей не просили об этом. А особенно королева Богемии, госпожа Кунигунта, сделала им много хорошего и посылала те драгоценности, которые ещё хранятся у нас. Они взяли к себе одного брата, его звали Херманном. Он прислуживал им, словно был их нанятым батраком. И если святому собранию хотели что-нибудь подать в дальних краях, то это подаяние он им привозил на себе.

К тому времени, когда они прожили в Нюрнберге несколько лет, не знаю уж сколько, случилось по промыслу Божию так, что папа отлучил от церкви императора Фридриха¹. Тогда предстательница сказала собранию: «Здесь мы больше оставаться не можем. Я отправлюсь к господину фон Кюнигштайн, дабы он нас приютил на некоторое время. Вы между тем читайте те пятнадцать псалмов, которые начинаются со слова “Deus”, покуда я не вернусь». Вскоре господин уважил их просьбу и пожаловал им мызу, где бы они могли до времени оставаться. Там Бог подверг их испытанию, подобно тому, как золото испытывают в пламени. Им пришлось заниматься тяжким трудом, жать себе рожь, стирать, готовить еду и исполнять прочие дела по хозяйству. И они делали всё с великим благоговением, пребывали в терпении. Они воздвигли капеллу в честь святого Лаврентия. Когда они жили на мызе четвертый год, наступило большое затмение².

Как-то раз у них на дворе убился насмерть ребенок. Это был внук господина фон Кюнигштайн, его звали Ульрих. Сестры принесли ребенка домой и пеклись о нем, пока он не скончался. Это ввергло господина фон Кюнигштайн в великое горе, ибо у него не было наследников, кроме одной дочери. После наступившей вслед за тем пасхи он сказал их предстательнице: «Переселяйтесь в Швайнах, и пусть у вас там будет жилье. Я же дам вам капеллу, поле и лес, чтобы вы смогли кормиться от них». Простерев горё свои руки, он пожертвовал сие Духу Святому и нашей возлюбленной деве Марии.

В это время явились семь аббатов из серого Ордена и умоляли сие святое собрание, чтобы они примкнули к их Ордену, а они за то им дадут много богатств. Но благодетель сказал, что он им сего не позволит, и ему хочется, чтобы они оставались в [обычных] женских одеждах.

В Вильзеке проживал богатый священник по имени Ульшалк. Долгие годы он оставался великим грешником, да и не скрывал этого. Прослышав об их святой жизни, он стал просить, чтобы они его взяли к себе. Он хочет де быть их капелланом и предстательствовать без всякого лицемерия о них перед Богом. Сей стал столь святым мужем, что о нем слагались песни, и наш Господь явил на нем Свои великие чудеса, особенно же при кончине. Тогда он провёл сорок дней без еды и питья. Этот самый священник построил им церковь, которая стоит до сих пор, хотя и не успел завершить её своды. Он же устроил в ней два алтаря: один – в честь нашей Владычицы, а другой – в честь святого Иоанна, Крестителя; они и сегодня ещё существуют. Ибо одному крестьянину случилось видение: будто на том месте стоит хлебопечкарная печь, а перед ней стоит муж, а на муже том ряса, и он питает весь край. Ну, тогда тот священник устроил третий алтарь, в память святого Иоанна, Евангелиста. О том, как появился этот алтарь, я хочу вам поведать.

В Шёнберге, в замке, проживал один знатный человек, и был он столь болен, что уже никто не надеялся, что он останется жив. И вот, как-то ночью ему явился Господь наш, облеченный великим сиянием, оно было ярче сияния солнца. А жене его показалось, что замок охвачен огнем, и она побежала к супругу. Когда же она явилась к нему, то отчетливо услышала ответ, который тот давал нашему Господу; слов Господа, конечно, услышать она не могла. Супруг говорил: «Господи, я это охотно исполню!» Лишь только пришел он в себя, хозяйка спросила, с кем это он разговаривал. Он же ответил: «Господь наш Сам явился ко мне. Он велел воздвигнуть в Энгельтале алтарь рабе Его Катарине и передать бегинкам в собственность лес около Эсбаха и в Тойфенбахе подворье. “И вот тебе знамение: Мне угодно вернуть тебе здоровье, так что ты на сей раз не умрешь”». Тогда он обратился к супруге: «Дорогая жена, неважно, день ли сейчас или ночь, пошли для меня за братом-проповедником Кунратом из Айштета, он у них теперь настоятель, я ему расскажу об этом деле». И всё случилось вот как: когда настоятель явился к господину из Шёнберга, тот передал, что ему возвестил наш Господь, и сказал: «Господин, мое сердце наполнено такой любовью и нежностью к вам! У меня нет наследников, и я хочу вам отдать всё, что у меня есть». Проповедник ответил: «Нет, господин, не делайте так! У вас есть бедные родственники, они в этом тоже нуждаются». Сей вы-

сокородный господин не захотел умолчать о том разговоре и сделал так, что о нем стало известно повсюду, и на освящение алтаря пришло очень народа. Сего господина звали Браун фон Химмельдорф, Колеры – это его потомки. Благотворитель же из Кюнигштайна повелел провозгласить и объявить всем, что монастырь должен называться Энгельталь, а не по деревне Швайнах.

В это время жил один человек, посвятивший себя ратному делу, он был тевтонцем. Звали же сего господина Конратом фон Лауффенхольтц, и был он маршалом Пруссии, человеком, исполненным мудрости и высокопочитаемом в германском Ордене³. Узнав о святости монастыря Энгельталь и вняв громкой молве, ходившей о нём, он так воспылал в своем сердце божественной любовью, что сказал своим ратоборцам: «До меня дошел слух, что мой друг из Кюнигштайна основал монастырь и что люди, живущие в нём, сплошь святые. Кроме того, там моя тётка, и Бог являет на ней немалые чудеса! И вот, сердце мое изнывает денно и ночью в великом томлении, и хочется мне оставить всю мою славу и вступить в оное святое собрание, дабы ночью и днём пребывать в сокровенном, среди вас мне не удастся сие». Тогда к нему приступили со слезными просьбами, и было сделано всё, чтобы его удержать, но это не возымело успеха, он присоединился к святому собранию. Братья проповедники и конвент приняли его с такой честью, что говорят, это напоминало пальмовое воскресенье и почести, которые оказали нашему Господу⁴. Все прямо-таки сияли от радости, что столь уважаемый человек примкнул к их общине, и решили отвести его на высокое собрание капитула, но он не захотел⁵.

Сей благой муж из Лауффенхольтца вел столь праведную жизнь, весь его облик дышал такой святостью, он был такого совершенного нрава и так сладостно вещал о Боге, что возвышенных и ученых братьев-проповедников брало удивление, как столь необразованный человек умел столь премудро рассуждать о Боге. Когда он отправлялся к владетельным особам или в города, то посредством него многие весьма исправлялись, и начинали более усердно благодетельствовать монастырю. Жизнь его была очень строга, он служил с великим усердием Богу и был как бы светом в сердцах многих людей. Господь же являл на нём великие знамения, которых я, правда, не знаю, ибо то было ещё в прежние времена.

Как-то раз он решил пойти к мессе и проходил мимо пивоварни. А там стоял некий брат, пивовар, по имени Генрих. Как раз смолит бочки, и Генрих сказал: «Любезный управляющий, и я бы с удовольствием отправился к мессе, но должен остаться при деле». Тогда управляющий увидал, что пивовара облек со всех сторон божественный свет, и он был прекрасней, чем солнце, а пивовар, в великой благодати, стоял посреди. И уразумел Лауффенхольтц, что такое случилось благодаря послушанью.

Ему было не по себе оттого, что женщин [в Энгельтале] называли монахинями. Но тут к нему обратился божественный голос: «Не огорчайся! Монашенки – что солнышки».

Обо всём, что Бог ни делал бы для него, он рассказывал тётке своей Альхайт из Трохау. Когда он был уже при смерти, то послал за ней и сообщил ей об этом. Она пошла в кухню и повелела одной сестре из мирянок, бывшей сиделкой при нём, чтобы та дала ему мяса, потому что ему очень худо. Это возмутило сестру, она сказала: «Что с ним случилось? Он не ел ни куска мяса уже много лет», однако сделала, как ей приказали, впрочем, дерзко и с громкими криками. И тогда наш Господь сказал тётке: «Я жестоко отомщу сему человеку, ибо она так обошлась со святым». Тётка ответила: «Да не будет так, любезный Господи, не бей её». Он сказал: «Нет, Я не отступлю от Моего праведного гнева». И она усердно умоляла Его, говоря: «Дражайший Господи, не делай сего, пока я остаюсь в моем живом теле!» Случилось же так: когда однажды в полдень возвестили в било о смерти тётки, та самая сестра из мирянок находилась в каменном рефектории. И вдруг она увидела, что рефекторий полон чертей, и она отдана им во власть за то, что так немилосердно обошлась с добрым человеком. Ведь тётка ещё прежде нередко ей говорила, что кара Господня падет на неё. У сестры начались искушения: то она хотела покончить с собой, то едва не умерла от тяжелой болезни. И в таких искушениях она жила вплоть до своей смерти.

А тот добрый брат принял святую кончину. Место же его захоронения скрыли по причине великой славы, которой он пользовался.

Был у нас один добрый брат, звали его Конрадом-виноделом. Как-то раз после трапезы отправился он на поле и принялся [там] возвещать о Боге; он вышел из себя так, что оставался в ликованиях до следующего дня.

В то самое время, когда они изучали церковное пение, основатель монастыря попросил начальствующую над женами, чтобы та привела их в Райхнек. И вот, когда сестры пели мессу

в одной из капелл – это было воскресенье Троицы, – то и основатель [монастыря] пел всю мессу вместе с ними, хотя грамоте никогда не учился и не знал, как читаются буквы. Едва сие чудо свершилось на нём, он тотчас же весьма воспламенился верой, так что сказал: «Ах, Ульрих! Если бы даже мне было суждено прожить долгую жизнь, то и тогда я не прекратил бы творить чудеса для этой святой общины».

Впервые это случилось в Рождественский пост, когда они пели то, что положено по уставу. Их первую регентшу звали Хайльрат, и была она нечеловечески хороша собой. А как она пела, было выше всяких похвал. К тому же пению училась она с особенным рвением, да и очень любила нашего Господа. В четвертое воскресенье поста сестры пели мессу, и вот, когда дошли до пятого респонсория «Virgo Israel»⁶, до стиха «In caritate perpetua», воспела она очень внятно и нечеловечески прекрасно, так что иным даже казалось, что она поет ангельским голосом. А по-немецки стих звучит так: «Любовью вечною Я возлюбил тебя и потому привлек тебя к Себе Своим милосердием»⁷. Этот стих наш Господь изрек устами пророка, обращаясь к роду людскому. Из-за великого благоговения весь святой конвент лишился своих чувств. Сёстры рухнули на пол, наподобие мертвецов, и лежали так, пока вновь не пришли в себя. И тогда они допели мессу до конца в великом благоговении.

В то время случилось так, что в сию местность забрели братья-проповедники из Регенсбурга. Жены решили принять на себя послушание им. И тогда начальствовавшая над ними отказалась от должности, и они, по совету проповедников, избрали себе приору с пламенеющим сердцем, эту сестру звали Димут фон Гайленхузен. Она собралась в путь и вместе с одною сестрой и братом из мирян отправилась в Рим. А при папском дворе был некий брат-проповедник. Как только сей узрел её ревность по Бозе и святость, так тот же час довел до сведения папы то, чего она так страстно желала, и сделал он это лучше, чем она могла бы сама. И папа подтвердил им их привилегии и принял от них письменное обращение. Сия святая община жила поистине свято. Упражняясь в покаянии, они хлестали себя терновником и пучками из розг. Остававшиеся же при конvente духовники Ордена говорили: «Нам можно отправиться из здешних мест в другие монастыри по причине великой святости, нами здесь обнаруженной».

Начальствовавшая первой над ними, её звали лютнисткой Альхайд, поведала своему конвенту о великой благодати, которую с ней сотворил наш Господь: она де была восхищена на Иордан и увидела всё, что случилось при крещении Господа.

О блаженной сестре Альхайд фон Трохау

А ещё была одна сестра, которую звали Альхайд фон Трохау. С детских лет у неё был пророческий дух. Когда она пребывала в миру, то сказала своей матери: «Случится так, что мой батюшка и самая красивая из сестер заболеют проказой». А однажды сказала: «Мой батюшка находится в Регенсбурге. Он проиграл всё, что имел, и велел ничего тебе об этом не говорить». Такие-то вещи ребенок говорил множество раз. О нем стала распространяться молва, и люди говаривали, что она де – пророчица.

Едва явившись в наш монастырь, она была как-то ночью восхищена, и пришла в то место, куда сходятся некрещённые ребятишки. А ребятишки от неё побежали и начали её поносить. Она их спросила: «Почему вы от меня убегаете?» Они же ей отвечали: «Мы поступаем так потому, что очутились здесь из-за первородного греха, и нам больше никогда не видать очей Божьих. Но ты ещё можешь сего избежать, потому мы тебе сообщаем, что ты была неправильно крещена»⁸. Затем, через несколько дней, она лежала после заутрени перед алтарем в храме и, будучи вновь в восхищении, предстала перед судом нашего Господа, совсем так, как о том говорится в Евангелии. Благие ангелы шли на правую сторону, а худые – на левую. Ну, она бросилась к избранным. А Господь-то наш говорит тогда ангелам: «Позовите-ка Альхайд, ей не подобает стоять одесную Меня, её неправильно окрестили». Она возьми и скажи им: «У вас никогда не случалось скорбей из-за Бога, а у меня чрез Него они часто бывали. Не уйду от моего Господа только из-за того, что вам этого хочется». Ангелы и говорят нашему Господу: «Господи, она нас попрекнула, что у нас мол никогда не случалось скорбей по Твоему попущению, и не желает оттуда уходить лишь из-за того, что нам этого хочется». Тогда позвал наш Господь Марию Магдалину и говорит ей: «Скажи Альхайд, чтобы она не стояла одесную Меня». А она Марии Магдалине сказала: «В Евангелии говорится, что Господь изгнал из тебя семь бесов, я же за собою помню, чтобы когда-нибудь сотворила хотя бы один смертный грех». Тогда Господь послал святого Павла. Сему сказала она, что он был гонителем христи-

анства и что она не хочет по его воле отходить от своего Господа. Отправляя Он к ней Петра. Этого она укорила, что он трижды отрекся от нашего Господа, а она так не делала никогда. И вот, отправил Господь Иоанна Крестителя. Она его спросила: «Кто ты»? Он же ответил: «Креститель я, Иоанн». А она сказала ему: «Крестивший других, проклянешь ли меня? И меня окрести». Она пала ниц перед ним и обхватила его. Он сорвал с неё рубашку и вылил на неё ковшик воды. Сие отчетливо видели все, кто пришел тогда в храм, что там разлита вода. А она об этом рассказала приоре. И они написали одному приору в Регенсбург, чтобы тот с кем-нибудь обсудил, как следует поступить с этой сестрой. И вот, пришли в обитель братья-проповедники и сказали: они мол читали, что существует крещение благодатью, но с ней надлежит поступить, как того требует христианская вера. Братья-проповедники послали за её матерью и спросили её, как та крестила сестру. Мать же сказала: «Я лишь знаю, что она была крещена очень быстро. Но здесь со мной женщина, крестившая её своими руками». И тогда спросили у женщины, как она это делала. Та отвечала: «Я это сделала совершенно правильно, крестив её во имя доброго господина святого Николая». Проповедники взяли сестру и окрестили её, а сами стали ей крёстными. Одним же из них был брат Генрих из Аббаха.

Немного спустя Господь послал ей немалую благодать. На страстной седмице она была в восхищении вплоть до великой субботы и увидела всё, что случилось с нашим Господом; она сама убедилась, что из Него, когда Его прибавали к кресту, при третьем ударе брызнула кровь; и Он сказал ей, вися на кресте: «Возлюбленная, вот что Я претерпел ради тебя. А что терпишь ты ради Меня»?

Когда она была юной и не совсем ещё выросла, наш Господь сказал ей: «Хочу наделить тебя изрядным ростом, и станешь приорой, величайшей из тех, что когда-либо были в этой обители, а равно блаженнейшей; но Я не смогу продолжать с тобой Моих игр, как смог бы, если бы ты приорой не стала». Она же сказала: «Нет, Господи, не хочу лишиться Твоей благодати!» И тогда Господь наш изрек: «Да будет тебе знамением то, что ты больше не вырастешь, и что Я с тобой сотворю великие чудеса».

Она была очень досаждаема дьяволом. Он советовал ей оставить монастырь, и тогда она будет самой богатой и счастливой среди всех в своем роде. А как-то раз он явился в образе одной из сестер и, вызывая её из храма, сказал, что она де должна послужить кое в чём некоторым женам, но едва она вышла из храма, как дьявол пропал. Через некоторое время она была на молитве, и он сказал ей: «Ну, довольно молиться! Когда станешь старой, ничего другого делать не сможешь». Но она отвечала: «Что же, тогда у меня всё ещё впереди».

Дьявол явился к ней ночью и хотел прочитать ей некое письмо. Но тут явился ангел, выхватил у него послание, стер дланью то, что в нём было написано, и бросил его пред постелью, сказав: «Прекрасная возлюбленная, я пришел тебе на подмогу. Если бы ты услышала это послание, то тебе было бы невозможно снова обрести чистое сердце». А утром письмо обнаружили. В нём было всё стерто ангельской дланью.

Когда она хотела принять на себя обет послушания⁹, то приора воспротивилась этому, поскольку отец её был прокаженным. Она так опечалилась, что пошла к распятью – его покаяются и сегодня – и рыдала так горько, что ступни у нашего Господа сделались мокрыми. Тогда Он снял руку с креста, поднял Альхайд и сказал: «Вставай, Я Сам тебе помогу принять обет послушания». А вскоре произошло вот что: Прайтенштайнер обвинил приору в том, что она его предала, и той пришлось нежданно-негаданно отбыть в Регенсбург, в монастырь «К святому Кресту», и там задержаться¹⁰. Тогда избрали другую приору, а она позволила ей принять обет послушания.

Однажды обезглавили одного благородного человека, который для одной из сестер был самым любимым из всех людей; об этом никто не знал. Альхайд пошла к ней и сказала, что за него нужно молить Бога, и что он лишен своего тела. А случилось это далеко от монастыря.

Одного брата-проповедника звали Конратом фон Айштет, и он долгое время был духовником нашего монастыря. Он питал к ней большую любовь из-за её святости. Ей была дана благодать: когда он читал мессу, было ли это далеко или близко, она видела в его руках тело нашего Господа. Если же он делал что-либо вопреки Богу, она узнавала о том уже наперед, пока он к ней ещё не пришел. Но однажды случилось, что он явился, дабы собирать милостыню в податном округе монастыря¹¹. И она подошла к нему с просьбой дать ей тела нашего Господа, а было как раз то самое время, когда конвент не должен был его принимать. Тогда брат Конрат сказал ей: «Я не могу этого сделать, но должен отправляться за милостыней. Я и так задержался». Она же ответила: «Ну, идите и увидите сами, сколько получите». Он бродил очень долго, но получил не больше, чем три раза по полу-пфеннига. Тут он понял, почему так

получилось, и просил её, чтобы она простила ему. Господь же наш сказал ей: «Я погасил огонь между тобою и им, и огню этому никогда больше не разгореться!» И с тех пор она никогда не больше не видела в его руках тела нашего Господа, да и больше не знала, что делает он, когда его не было рядом.

Жил один брат-проповедник, и был он влюблён в одну женщину. Женщина же ему в своей любви отказала – и притом в самых презрительных выражениях. Он пожаловался на это нашему Господу, пока держал Его в своих руках. Находясь в храме, Альхайт услышала это и сказала той самой сестре: «Будь терпелива! На тебя падут великие беды, я слышала, как священник пенял на тебя нашему Господу, пока Он был у него в руках».

Однажды она была восхищена в Вифанию, в тот день, когда Он воскресил из мертвых Лазаря¹². Она сидела рядом с ними за столом и видела все блюда, которые они вкушали. А тут Андреас и говорит: «Дайте-ка этой прекрасной поклоннице посидеть подле нашего Господа». Так оно и произошло.

По благодати временами случалось, что она могла толковать сложные книги – и вовсе не хуже, чем какой-нибудь изрядно обученный поп. Когда же сие время прошло, то она уже более этого не могла, ибо была не учёна.

Альхайт была утонченной особой. Из-за чрезмерной любви нередко бывало, что она многое делала, не владея при этом телесными чувствами. Как-то раз она зашла в храм, собираясь отыскать там одну из сестер, но увидела ларец, в котором находилось тело нашего Господа; она стала подпрыгивать, петь и бросилась навстречу ему от захлестнувшей её радости. А когда она выполняла какую-либо работу, то все ясно видели, что она трудится, лишившись всех своих чувств, ибо чувства её были при Боге. Когда вечером, уже после трапезы, она отправлялась в сад и слышала от какой-нибудь из сестер доброе слово о Господе, то, выйдя из себя самое, она начинала скакать от дерева к дереву и прижиматься к ним своим сердцем. И если её спрашивали, что она при этом имеет в виду, то она говорила: «Мне кажется, что всякое дерево – это Господь наш Иисус Христос». Затем, отправившись в спальню, она всегда говорила: «Ах, милостивый Господи, Иисусе Христе, давай же поднимемся друг с другом на гору».

Как-то случилось, что она пела стихи обоих хоров. Тогда приора сказала ей: «Ты поступаешь, как гусыня. Пой в своем хоре и оставь другой хор в покое!» А она стала размахивать руками, думая, что она и есть гусыня, пока приора не сказала: «Ты – не гусыня». И только тогда она оставила свое озорство.

Однажды должны были взвешивать мак, а она залезла в мерную чашу. Когда же брат велел ей выбираться наружу, она отвечала: «Не хочу вылезать, ибо вижу рядом Господа моего Иисуса Христа. Хочешь? Полежай-ка ко мне. Он такой милый; тебе, как и мне, будет на Него приятно взглянуть». Брат немного помедлил и снова сказал: «Мне нужна мерная чаша!» Она же в ответ: «Конрад, оставь свой гнев, я не вылезу, пока Он здесь у меня. Хочешь, залезай к нам вовнутрь. Я знаю точно: будь тебе так же хорошо, как мне, ты ни за что бы не вылез!» Вдруг брат воспламенился любовью, так что, разразившись плачем и воплями, бросился через ворота наружу, она же оставалась в благодати довольно долгое время, а потом вылезла.

У неё был брат и невестка, у которой нередко случались выкидыши. Альхайт послала за ними обоими и сказала ему: «Брат, посмотри, разве тебе не известно, что на тебе гнев Божий? Ты же знаешь, что переспал со своей тещей. Вот почему все твои дети умирают ещё до рождения. Поэтому покайся и стань духовным лицом, и она тоже пусть станет, или пребывающий на вас гнев Божий умножится». Они прислушались к её совету: брат стал тевтонцем, а невестка ушла в наш монастырь. И так часто случалось, что с помощью нашего Господа ей были открыты как благодеяния, так и пороки людей.

Когда наступило время, и её святая жизнь приблизилась к концу, она вызвала нескольких сестер и сообщила им о предстоящей ей смерти. А они её вопрошали: «Дорогая Альхайт, что ты имеешь в виду, говоря, что должна с нами проститься пока служат мессу ближайшего дня святого Петра, и говоря: «Если переживу день святого Петра, то в этом году не помру»? А она им в ответ: «Сегодня миновало как раз тридцать лет с того самого дня, когда наш Господь сказал мне: “Я возведу тебя на Масленичную гору и увенчаю немалою славой. Во время, когда поет жаворонок, воспоешь пред Моей святой Троицей”». И я спросила Его: «Любезный Господи, когда поет жаворонок»? Он же ответил: «В день святого Петра, Kathedra»¹³. Вот почему я считала всегда свою жизнь по этому дню, ибо тогда ей наступит конец».

Была ещё другая сестра, которая не поверила, что Альхайдт предстоит вскоре умереть. Альхайдт пошла к ней и сказала: «Готовься, ибо умрешь раньше меня». Так оно и случилось.

Сия святая сестра почилла в пятницу, в полдень, накануне дня святого Петра, как во всеуслышание, много раз сама говорила: «Возликуй, душе моя, возликуй, в следующее воскресенье быть тебе в вечной радости!» Когда она лежала мертвой, то была краше и милей, чем когда-либо раньше.

Едва возвестили в било о кончине этой жены, некий голос сказал одной старой особе: «Сестра, ныне сидящая на соломе, достойна того, чтобы без промедления взойти к небесам». Едва зашла она в больничные палаты, так тотчас увидела сестру, сидящую на соломе, её звали Рицей фон Элленбах. Сия преставилась на четвертый день после оной святой Альхайдт. Когда она уже почилла, Господь наш сказал господину Фридриху, старому капеллану: «Не подобает оставлять большого служения из-за служения малого», имея в виду, что негоже пропускать постную мессу ради «gequiem eternam»¹⁴ или приостанавливать её из-за святой Рицы.

О блаженной сестре Альхайдт фон Ингельштат

Ну, а теперь хочу я вам рассказать об этой святой Альхайдт фон Ингельштат, и какова была её жизнь. До того, как прийти к нам, она была бегинкой. Правило, предписанное ей Ордену, и особенно молчание, она соблюдала так строго, что никогда не прерывала его ни на одном месте, где надлежало молчать. Когда она стояла в храме, хорошо было заметно, что она постоянно твердит лишь: «Иисусе Христе», «Иисусе Христе». Находясь среди людей, она была к ним так добра и проявляла о них столько заботы, что те, кто был рядом с ней, благодаря ей исправлялись. Наш Господь промыслил о ней, чтобы её обвинили, что она из числа прокаженных, и изгнали из монастыря. Тогда Он сказал ей: «Не печалься, что тебя удалили от людей! Я Сам стану твоим супругом». И это Им было исполнено. Жизнь, в которой она подвизалась, была столь свята, что едва ли кто из людей когда-нибудь видел подобную ей. Она не вкушала ничего, кроме горохового отвара, каждый день предавалась покаянному деланию и бодрствовала всю ночь напролет вплоть до заутрени. Когда у неё спрашивали, отчего она бодрствует до заутрени, а не после неё, она говорила: «Оттого, что до заутрени у Него нет никого, кто бы Ему служил, а после заутрени её у Него немало таких». И вот, когда она прожила много лет в столь святой жизни ради нашего Господа, Он явился ей Сам, поведав, что желает забрать её в вечную радость. У неё с детства была близкая подруга по имени Мехтхильт Крумпзитин. Ей также явился Господь наш в ту же самую ночь и сказал: «Желаю забрать к Себе подругу твою». Встретившись утром, обе рассказали друг другу о том, что услышали. Тогда Альхайдт сказала Мехтхильте: «По всему видать, что у тебя чистая душа, ибо Он с тобою беседовал точно так, как и со мной».

Однажды ночью они вместе читали заутреню, и читали её так благоговейно, что ни разу не подняли глаз. Но вдруг Альхайдт обернулась и очень внимательно взглянула на Мехтхильт. Той показалось это странным, а утром она спросила её: «Отчего ты так пристально смотрела на меня ночью?» Альхайдт отвечала: «Тогда я отчетливо ощутила присутствие нашего Господа. Мне показалось, что Он позволяет тебе наслаждаться больше, чем мне. Вот почему я не могла удержаться от того, чтобы столь пристально на тебя посмотреть».

Когда она Альхайдт была уже на смертном одре, она сказала: «Я лежу, словно в прохладной росе». Она изрекла нежнейшие и сладчайшие словеса, так что все сердца, собравшиеся подле неё, посредством их воспламенились. Тогда она тайно от всех призвала свою подругу детства, и с великим благоговением благодарилла её «за службу, которую ты мне когда-либо оказывала, и за то, что ты мной, когда я страдала, никогда не гнушалась, а также за то, что поддерживала меня с такою любовью. А теперь скажи мне, чего ты желаешь от Бога. Он даровал мне, что, чего бы я ни попросила у Него при смерти, то Он исполнит. Та же ответила: «Мне хочется только того, чтобы ты у Него попросила, чтобы мне стать совершенным человеком». Альхайдт сказала ей: «Хочу открыть тебе, что ты умрешь не здесь. Ты будешь выбрана в приоры в Аурахе и там же будешь погребена»¹⁵.

О блаженной сестре Мехтхильт Крумпзитин

Ну, а теперь мне хочется рассказать вам об этой самой Мехтхильт Крумпзитин. Будучи на четырнадцатом году жизни, она как-то раз лежала пред алтарем. Её чувства были так напряжены, что у неё через уста, нос и уши хлынула кровь. И она сказала, что впредь никогда не будет стремиться к Богу меньше, чем к работе. Сие она доказала [на деле]: сидя целый день за прялкой, она напрядала совсем немного; однако, соснув ночью часок-другой, она поднимала

лась и проводила всё время в размышлениях о нашем Господе. Она была праведным человеком и поэтому немало страдала. На протяжении всей своей жизни она была подобна светильнику. Когда она стала нашей приорой, даже и внешние люди были покорены её жизнью и испытывали великую любовь к тому делу, которому она себя посвятила. Его она исполняла с великим усердием.

Когда исполнилось время, и наш Господь пожелал исполнить Свое дело, как то Им прежде было открыто, Мехтхильт была избрана [приорой] в Аурах. Прибыв туда, она никак не могла сделать так, чтобы утихло великое благоговение в её сердце. Как-то ночью она стояла перед своей постелью на молитве, и тут она вышла из себя. За ней три раза приходила одна сестра из мирянок, управлявшая странноприимным домом, с просьбой спуститься к гостям. Но из-за божественной благодати она уже не помнила этого мира. Тогда сестра сошла вниз и сказала о приоре: «Она покраснела ниже глаз, наподобие розы. Наверное, выпила вина». Приора узнала в духе о сказанном. Утром она послала за своею сестрою по плоти и сказала ей: «Выслушайте правду, которую я поведаю о себе. Когда я на молитве и немного не в себе, исполняйте мои обязанности вместо меня. Недавно обо мне соблазнилась одна сестра из мирянок. Она скверно говорила про меня. Запомните нынешний день! Отныне, в течение года она оставит сей Орден и никогда больше в него не вернется».

Когда сия жена, любя свой Орден и всякую праведность, достойно завершала свой земной путь, ей явился Господь наш и торжественно клялся, что возьмет её из этой юдоли в вечную радость. Она же послала за своими сестрами по плоти и сообщила им об этом. Они горько разрыдались и просили её умолить нашего Господа, чтобы Он её здесь оставил подольше. Она, однако, им возразила: «Я не хочу этого делать. Мое сердце так тоскует по Нему, что я не могу больше без Него обходиться». Вскоре после сего настал час кончины. Причастившись пред смертью, она сказала своим сестрам: «У меня нигде не болит, и если бы я не запретила себе ради людей, то ушла, куда бы хотела. Затворите комнату, я покажу вам». Она встала и прошла так же легко, как делала это когда-то.

Когда её святая душа собралась отделиться от тела, одна из сестер увидела в духе, что душа благодарит все члены, каждый по отдельности, за то, что он так верно служил Богу.

В деревне Энтенберг был некий ребенок, который возвещал многое из того, что должно произойти в будущем. Он жил у одной бегинки, он говорил: «Тётка, я видел отверстие неба, и как туда только что вознеслась приора Аураха». Но та возразила: «Нет, тебе, наверное, помешалось». Ребенок сказал: «Выйди и погляди!» Так тётка и сделала и узнала: в это самое время та умерла, как и говорил ребенок.

О блаженной сестре Анне фон Вайтерсторф

Одну из сестер звали Анной фон Вайтерсторф. Сия была ревностной служительницей Божьей, усердно подвизалась на разных поприщах, прилежно трудясь на каждом из них. Она была лекарем, претерпела из-за этого немало невзгод, но страдания эти были безвинны и во все не заслужены ею. Когда страдания миновали, она сказала себе, что ни за что больше не станет занимать никаких видных должностей. Она и нам так говорила в великой печали, бывшей у неё из-за этих, связанных со службой несчастий. Через некоторое время, к Рождеству, епископ Николай Регенсбургский¹⁶ уведомил нас, что на праздник придет к нам в монастырь. Как же она обрадовалась, когда мы получили это известие! Другие жены сему весьма дивились. Она же встала и этак повернулась. А потом, после Пасхи, в день святого Иоанна она преставилась¹⁷. Когда пред смертью её причащали по христианскому обычаю, она сверх всякой меры просветлела и без конца повторяла: «Мне вовсе не плохо; подле меня есть кое-кто, кому хуже, чем мне». Затем она послала за сестрой Агнесой фон Прайтенштайн, позже ставшей приорой, и сказала ей: «Хочу поведать тебе, что Господь поступил со мной милостиво». Та спросила её: «Скажи-ка мне, отчего ты так обрадовалась, узнав, что к нам придет епископ»? Анна ответила: «Меня охватила великая радость, ибо я услышала пение ангелов, и слышу его с того дня ежедневно». И сказала: «То, что я всегда аккуратно поднималась к заутрени в память о нашей Владычице, случалось оттого, что она мне при этом являлась и прижимала меня к своему сердцу». А ещё сказала: «То, что я охотно оставалась в старой капелле ночью и днем, случалось оттого, что мне в ней являлась наша Владычица вместе с Сыном своим Иисусом Христом и творили мне великую благодать. То же, что со мною был мил святой Лейпрехт, случилось оттого, что я увидела, как он стоял в церкви на своей гробнице». (Сия гробница была наполовину закопана в пол, а наполовину возвышалась над полом; тем же об-

разом он явился и капеллану.) Будучи в погребальном облачении он сказал Анне: «Смотри, в этом облачении я был безвинно убит. Запомни, сия гробница – моя». [Ещё же сказала она]: «Когда епископ Николай Регенсбургский хотел нам преподать нашего Господа, то я увидела, что перед ним входили в врата, ведущие в храм, три прекраснейших человека. И хотя они входили все вместе, из них получился, однако, единый Господь». Тут дошло до неё, что это была пресвятая Троица. Едва епископ благословил тело нашего Господа, она увидела, что облатка вдруг превратилась в Дитя. И когда он преподавал Его каждой женщине, Дитя по отношению к каждой вело себя так, какой она была в своей жизни, с одними Дитя было очень приветливо, с другими же нет. «Я слышала, как ангелы без умолку поют респонсорий “Summe trinitati” и дивно распевают на три голоса “Kyrie eleison”¹⁸; сие песнопение звучало столь восхитительно, что внимать ему было выше человеческих сил». А затем она сказала: «Позовите ко мне кого-нибудь, у кого долгая память»¹⁹. И сказала: «Знайте же, милые жены, что я всякий день слышала пение ангелов, начиная с Рождества и поныне, – то бишь до следующего за Пасхой дня святого Иоанна Евангелиста, в который она и преставилась²⁰, – и что, если я бывала в беспамятстве или оцепенении, когда вы ко мне обращались, так это случалось оттого, что я тщательно вслушивалась в то, что они пели. Господь наш и Его мать Мария поступали со мной по своей милости и в капелле, и в келье. Когда мне приказали трудиться в погребу, я была очень удручена. Но в келье мне явился Господь наш с пятью ранами, каким Он был во время крестных страданий, и сказал мне: “Гляди, возлюбленная, вот что Я претерпел ради тебя, а что Ты терпишь ради Меня? Будешь в этом послушна, и больше ни в чём”. Я подумала, Он имеет в виду, что у меня-де не будет других послушаний, а Он намекал на мою кончину. Когда я пошла на мессу Мосбуржца, ибо там получали великое отпущение грехов²¹, наш Господь явился мне таким, каким Он был в тридцать лет».

Когда Анна лежала уже при смерти – и, как нам казалось, не замечала ничего из того, что происходит в сем мире, – она была удивительно хороша собой. Мы спросили её: «Каким был Иисус из Назарета, когда ты Его видела»? Она описала Его, по её словам, Он был величественным человеком. Когда же настали последние мгновения жизни, вид её стал ужасен; и одной из сестер, стоявшей в это самое время на молитве, некий голос сказал: «Пойди к сестре, она лежит в великом борении». Как только та к ней пришла, она умерла.

После кончины она снова явилась той же сестре и поведала ей, что между ею и Богом имеется ещё кое-что, но в этом она ещё не принесла покаяния. Потому-то ей и пришлось лицезреть лукавого духа. Он здесь заставил её поплатиться за то, в чем она вовремя не раскаялась.

Примечания Notes

Перевод осуществлен по изданию: Der Nonne von Engelthal Büchlein von der genaden uberlast / Hrsg. von K. Schröder. Tübingen: H. Laupp, 1871.

¹ Император Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250) был отлучен папой Григорием IX от церкви 29 сентября 1227 г. Это отлучение было подтверждено в Пальмовое (Вербное) воскресенье 1239 г.

² Упомянутое Кр. Эбнер затмение произошло 6 октября 1241 г.

³ Имеется в виду Тевтонский (или Немецкий) орден («Тевтонской братии церкви святой Марии Иерусалимской»), учрежденный папой Климентом III в феврале 1191 г. во время 3-его крестового похода.

⁴ Пальмовое (в русской православной традиции Вербное) воскресенье – праздник входа Иисуса Христа в Иерусалим (Мф. 21: 8–11, Мк. 11: 7–11, Лк. 19: 35–38, Ин. 12: 12–16).

⁵ В оригинале: *capitel*. Капитул – коллегия, совет духовных лиц при епископе, также общее (генеральный капитул), окружное (провинциальный капитул) собрание монашеского ордена либо насельников монастыря (монастырский капитул).

⁶ «*Virgo Israel*» – по-видимому, ошибка переписчика. Имеется в виду стих Ис. 11: 1: «[И сказал Господь Бог]: произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его» ([*Haec dicit Dominus Deus*]: *Egredietur virga de radice Jesse, et flos de radice ejus ascendet*). Чтение в пятницу перед 4-м воскресением Адвента (Рождественского поста).

⁷ Иер. 31, 3: «Любовью вечною (*lat. in caritate perpetua*) Я возлюбил тебя и потому простер к тебе благоволение».

⁸ Согласно схоластическому учению, чистилище включает в себя четыре региона: «лоно Авраама», иначе «область отцов» (*limbus partum*), «преисподнюю проклятых» (*infernus damnatorum*), собственно чистилище (*purgatorium*) и «преисподнюю [некрещенных] детей» (*infernus infantum*), чье страдание состоит в невозможности созерцать Бога.

⁹ Т.е. статья монахиней Доминиканского ордена.

¹⁰ Прайтенштайнеры (die Preitensteiner) – члены рыцарского рода; известен, в частности Герман фон Прайтенштайн, горожанин Регенсбурга с 1382 г. «К святому Кресту» – августинский женский монастырь в Регенсбурге, основанный в 1237 г. графом Генрихом Ортенбургским.

¹¹ Каждый из конвентов нищенствующих орденов (в т.ч. доминиканцев) имел строго определенную область (*лат. termini, нем. terminie*) для сбора подаяния и проповеди. Отсюда происходит название нищенствующих монахов «терминарии».

¹² См. Ин. 11: 1–44.

¹³ Имеется в виду праздник, отмечаемый 22 февраля (In Cathedra S. Petri Ap. Antiochiae)

¹⁴ Речь идет о заупокойной службе, названной по стиху («вечный покой») исполняемого во время нее песнопения.

¹⁵ Женский монастырь западнее г. Эрланген на р. Регниц в Баварии.

¹⁶ Николай фон Штаховитц (Nicolaus von Stachowitz), епископ Регенсбургский. Рукоположен 22 февраля 1313 г., скончался 11 октября 1340 г.

¹⁷ Праздник рождества Иоанна Крестителя, 24 июня.

¹⁸ Имеется в виду респонсорий «Всевышней Троице» (Summe trinitati). Респонсорий – жанр монодического пения в католическом оффиции. «Kyrie eleison» (греч. Κύριε ἐλέησον, Господи, помилуй) – молитвенное призывание, часто используемое в молитвословиях и богослужениях. Ср. Мф. 20: 30.

¹⁹ В ориг.: «Heizt etwen zu mir gen der lang gedenk» (Schröder 1871, 28, 3–4). Смысл: чтобы помнил о рассказанных ею видениях.

²⁰ Ошибка: праздника Иоанна Евангелиста после Пасхи не существует. Праздник Иоанна Евангелиста приходится на 27 декабря. Вероятно, имеется в виду день Усекновения главы (decollatio) Иоанна Предтечи, отмечаемый по католическому календарю 29 августа.

²¹ Мосбуржец – Бертольд Моосбургский (Perhtolt von Mosburk), знаменитый комментатор прокловских «Первооснов теологии» (переведенных на латынь в 1268 г. Вильгельмом де Мёрбеке). В 1348 г. занимал пост викария братьев доминиканцев. В этом качестве посещал нюрнбергскую обитель Энгельталь, на что указано в сочинениях местных монахинь – «хронике» Кр. Эбнер и «откровениях» Адельхайд Лангманн.

Перевод и примечания М.Ю. Реутина